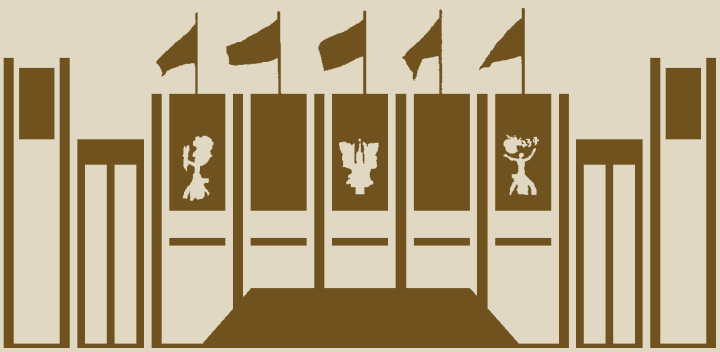
Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 9(29)
декабрь 2007

Ксения Боришполец
Алишер Бабаджанов

Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества

Центр
постсоветских
исследований

ББК 65.452
Б82

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России

Выпуск 9(29)
Декабрь 2007

Тема
«Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества»

Главный редактор Александр Орлов

Редактор выпуска Ксения Боришполец

Редактор Валентина Шанкина

Дизайнер Николай Винник

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76, НКСМИ
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издается при поддержке
Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов НКСМИ МГИМО (У)

© Боришполец Ксения Петровна, 2007
© Бабаджанов Алишер Якубович, 2007

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России
119218, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 26
Заказ №476. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 24.12.2007

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

**Научно-координационный совет
по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России**

Центр постсоветских исследований

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 9(29)

(декабрь 2007)

Ксения Боришполец, Алишер Бабаджанов

Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества

Москва
МГИМО – Университет
2007

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Содержание

1. Особенности водного потенциала Центральной Азии 3

2. Системный кризис региональных водных ресурсов 10

3. Масштабность противоречий в сфере водопользования 12

4. Подводные камни многостороннего партнерства 13

5. Сотрудничество по водной проблематике как элемент интеграционных процессов 15

Выводы и предложения 21

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества

Ксения Боришполец, Алишер Бабаджанов

Развитие ситуации в Центральной Азии существенно зависит от состояния водных ресурсов и возможностей преодоления их хронической нехватки. Особую остроту проблемам регионального водопользования придают перспективы увеличения водозабора в интересах китайских и афганских территорий.

Центральноазиатский «водный вопрос» имеет и российскую проекцию. С одной стороны, речь идет о стабильности большого сопредельного региона, а с другой – о рисках сокращения объемов поверхностных вод, поступающих на территорию Российской Федерации, а также рисках, связанных с принятием «авральных» планов или реанимацией устаревших. Все эти моменты чреваты прямыми материальными потерями, неоправданными бюджетными затратами и реальной экологической катастрофой.

На современном этапе Россия как член ЕврАзЭС и страна, чьи компании предполагают участие в крупных гидроэнергетических проектах в Центральной Азии, заинтересована в совершенствовании многостороннего управления региональными водными ресурсами. В целях решения практических вопросов такого управления, прежде всего увязки водно-энергетических режимов бассейнов рек с режимом потребления электроэнергии и инвестициями в развитие водного хозяйства, целесообразно обратить дополнительное внимание на следующие моменты.

1. Особенности водного потенциала Центральной Азии

Ценность воды как глобального ресурса человеческого развития широко обсуждается на уровне различных институтов, в публикациях и дискуссиях[1]. Эти обсуждения демонстрируют, что, как правило,

[1] На проходившем в 2007 году в Брюсселе под эгидой ООН заседании Межправительственной группы по борьбе с изменениями климата был озвучен прогноз о том, что к 2100 году температура на Земле в зависимости от сценариев демографического и экономического роста повысится на 2–4°С. В связи с этим эксперты предупреждают, что во второй половине нынешнего столетия 1–3 млрд чел. начнут испытывать ощутимую нехватку воды. Следовательно, конкуренция за водные ресурсы в обозримом будущем будет нарастать и не исключает возникновения вооруженных конфликтов. Кроме того, согласно приводимым в докладе ПРООН за 2006 год данным, 39 стран мира получают большую часть необходимой им воды из источников, расположенных за пределами их территорий. Среди них – Азербайджан, Латвия, Словакия, Узбекистан, Украина, Хорватия, Израиль, Молдавия, Румыния и Туркмения. Доклад обращает внимание на то, что на Земле достаточно воды, чтобы удовлетворить нужды всего человечества. Однако 1,1 млрд чел. не имеют доступа к чистой питьевой воде. Эксперты опасаются, что сложившаяся ситуация может привести к войнам за водные ресурсы. Сегодня около 700 млн чел. в 43 странах располагают водными ресурсами

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

наибольшей остротой в контексте международных процессов обладают ситуации, где переплетаются региональные и национальные аспекты водопользования. На фоне быстро растущих потребностей в воде они создают внушительный спектр конфликтных проблем во взаимоотношениях соседних стран. Нередко их урегулирование затрудняется тем, что внимание общественности, да и самих дискутантов, концентрируется на логике обмена формальными аргументами, а специфика природной составляющей водных ресурсов отходит на второй план. Подобное смещение акцентов весьма распространено в международной среде и, к сожалению, периодически «просматривается» на центральноазиатском направлении. Тем не менее, именно общая характеристика водных ресурсов в Центральной Азии является отправной точкой для понимания возможностей, данных Казахстану, Киргизии, Таджикистану, Туркмении и Узбекистану, как объективная реальность.

Хотя Центральная Азия имеет стойкую репутацию региона с засушливым климатом, здесь протекает несколько крупных и множество мелких рек, расположены сотни естественных и искусственных водоемов, резервуары подземных вод[2]. В целом, они создают водные запасы, оценивающиеся примерно в 170–180 тыс. км^3. В различных источниках приводимые показатели не всегда совпадают, но общий уровень обводненности территорий Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана в целом обеспечивает условия для проживания более чем 50 млн человек.

Водный потенциал Центральной Азии формируется, прежде всего, за счет поверхностного водостока нескольких трансграничных рек. В их числе – Аму-Дарья и Сыр-Дарья (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), Талас и Чу (Казахстан и Киргизия), Или (Казахстан, КНР), Тарим (Таджикистан, Киргизия, КНР), Иртыш (КНР, Россия, Казахстан), Тобол, Урал, Ишим (Россия, Казахстан). По объемам площадей водосбора и водосброса первое место занимает Аму-Дарья, а второе – Сыр-Дарья. Совокупный сток двух главных рек региона составляет 100–120 км^3/год[3], обеспечивая потребности около 80 % населения Центральной Азии[4]. Большинство рек имеет

в объеме ниже минимальной потребности человека. К 2025 году это будет касаться 3 млрд чел., поскольку потребность в воде будет расти в Китае, Индии и странах Африки к югу от Сахары // http://www.expert.ru/news/2006/11/13/voda/print

[2] Детальные характеристики номенклатуры водных ресурсов бассейна Аральского моря, к которому относится большинство водных артерий Центральной Азии //http://www.cawater-info.net/aral/index.htm

[3] Общий среднегодовой сток всех рек в бассейн Аральского моря составляет 116 км^3. Этот объем включает 79,4 км^3 стока Аму-Дарьи и 36,6 км^3 стока Сыр-Дарьи. Согласно вероятностному распределению стока – 5% (многоводный год) и 95 % (засушливый год) – для Аму-Дарьи годовой сток изменяется от 109,9 до 58,6 км^3 и для Сыр-Дарьи – от 51,1 до 23,6 км^3 // http://www.cawater-info.net/aral/index.htm

[4] Сыр-Дарья – первая по длине и вторая по водности река в Центральной Азии. Длина реки составляет 3019 км, площадь бассейна 219 тыс. км^2. Основная часть (75,2%) стока Сыр-Дарьи формируется на территории Киргизии, 15,2 % – на территории Узбекистана, 6,9 % – в Казахстане и 2,7 % – в Таджикистане. Длина Аму-Дарьи составляет 2540 км, площадь бассейна 309 тыс. км^2. Как и Сыр-Дарья, Аму-Дарья в нижнем течении теряет много воды на ирригацию. Основной сток Аму-Дарьи (74 %) формируется на территории Таджикистана, 13,9 % – на территориях Афганистана и Ирана и 8,5 % – на территории Узбекистана.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

ледниково-снеговое питание и характеризуются сравнительно малыми колебаниями годового стока и длительным половодьем – обычно с июня до начала августа. В их хозяйственной эксплуатации сочетаются функции производства гидроэлектроэнергии и обеспечения систем орошения. Порядок использования водостока основных трансграничных бассейнов регулируется межгосударственными соглашениями различного формата[5].

Таблица 1. Поверхностные водные ресурсы бассейна Аральского моря (среднегодовой сток, км³/год)[6]

Страна	Речной бассейн		Всего в бассейне Аральского моря	
	Сыр-Дарья	Аму-Дарья	км³	%
Казахстан	2,516	—	2,516	2,2
Киргизия	27,542	1,654	29,196	25,2
Таджикистан	1,005	58,732	59,737	51,5
Туркмения	—	1,405	1,405	1,2
Узбекистан	5,562	6,791	12,353	10,6
Афганистан и Иран	—	10,814	10,814	9,3
Итого по бассейну Аральского моря	36,625	79,396	116,021	100

Кроме трансграничных рек большую роль в системе региональных водных ресурсов играют крупные озера и водохранилища. Наиболее значительными озерами считаются Айдар-Арнасайское озеро, имеющее объем более 20 км³, Сарыкамыш – объем около 100 км³, Соленое, Судочье и др. Особым вниманием экспертов пользуется озеро Сарез (Таджикистан), расположенное на высоте около 3000 м над уровнем моря. Оно образовалось примерно сто лет назад в результате мощного горного обвала и с тех пор представляет постоянную угрозу наводнения. В случае прорыва естественной плотины под водой окажется площадь равная 69 тыс. км² на территории Таджикистана, Туркмении,

[5] В 1992 году было подписано Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменией «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников», в котором страны договорились уважать «сложившуюся структуру и принципы распределения» и основываться «на действующих нормативных документах по распределению водных ресурсов межгосударственных источников». В 1998 году было заключено Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сыр-Дарьи» (Таджикистан присоединился к Соглашению в 1999 году), которое призвано выработать механизмы взаимовыгодного использования водных и энергетических ресурсов в бассейне реки Сыр-Дарья.

[6] http://www.cawater-info.net/aral/figures.htm

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Узбекистана и Афганистана, на которой проживает около 5 млн человек. Хотя чаша Сарезского озера существует не один десяток лет и за ее состоянием ведется специальное наблюдение, опасность прорыва нельзя полностью игнорировать. Нештатные ситуации в связи с сейсмической активностью, повышенной нормой осадков или деятельностью террористических организаций могут оказаться толчком к беспрецедентной водной катастрофе.

Наряду с естественными водоемами неотъемлемой частью центральноазиатских водных ресурсов являются резервуары искусственного происхождения, такие как Токтагульское водохранилище в Киргизии, Каракумское водохранилище в Таджикистане и Шардарьинское водохранилище в Казахстане. Значительную роль играет построенный еще в советский период водоканал «Достык», головные сооружения которого находятся на территории Узбекистана. Воды искусственных резервуаров используются как для нужд ирригации, так и для выработки электроэнергии и очень значимы для обеспечения регионального водопользования[7].

Особенность поверхностных водоемов Центральной Азии заключаются в том, что основные ресурсные источники пресной воды сосредоточены в горной части региона – на территориях Киргизии и Таджикистана, а основная часть стока расходуется на территориях равнинных государств – Узбекистана, Туркмении и Казахстана. Например, в Казахстане на собственной территории сток формируется для Сыр-Дарьи всего на 6,5 %, а водозабор из нее составляет 38 %. Аналогичная ситуация существует и по Узбекистану. В Туркмении примерно 75 % потребляемой воды поступает на территорию страны из внешних источников[8].

Выраженный трансграничный характер центральноазиатского водопользования осложняет регулирование регионального водного потенциала в режиме, поддерживающем естественное возобновление. Дисбаланс между природными ресурсами и экономической деятельностью человека самым наглядным образом проявился в связи с кризисом Аральского моря, потерявшего к началу нынешнего века три четверти своего объема. Масштабы Аральского кризиса означают не только исчезновение очень важного с экономической точки зрения водного объекта, но и необратимое ухудшение климата даже на отдаленных от него территориях. Еще несколько десятилетий назад Аральское море считалось четвертым по величине изолированным водоемом в мире, его берега были достаточно плотно заселены, и в прибрежных районах велся промышленный лов рыбы. Традиционно в Арал поступало ежегодно около 56 км^3 воды, но с конца 1960-х годов из-за экстенсивного развития ирригации хлопковых плантаций

[7] В состав водохозяйственного комплекса входит такое уникальное водохранилище как Токтогульское с объемом 19 км^3, Чарвакский, Андижанский и Нурекский гидроузлы с плотинами высотой 100–350 м, крупнейший в мире самотечный Каракумский канал протяженностью в 1400 км и с расходом воды 600 м3, уникальные каскады машинных каналов, включая Каршинский с расходом в 350 м3 и высотой подъема в 180 м, и другие. Общее количество водохранилищ с объемом более 100 млн. м3 – 80. Общая емкость водохранилищ – 60 км^3 // http://www.cawater-info.net/aral/figures.htm

[8] http://www.expert.ru/news/2006/11/13/voda/print

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

сток начал сокращаться. За тридцать лет он упал почти в десять раз, и к 1990-м годам Аральское море разделилось на две части: «малое» и «большое». Первое питает Сыр-Дарья, второе – Аму-Дарья[9]. Всего площадь поверхности Арала сократилась более чем наполовину. Как указывают представители ООН, исчезновение Аральского моря – это самое тяжелое экологическое бедствие современности, вызванное человеком.

Для спасения Арала в 1980-е годы усиленно продвигался проект переброски вод нескольких сибирских рек. В дальнейшем речь стала вестись об отводе воды из средней части Оби в Сыр-Дарью и Аму-Дарью, что на первый взгляд выглядит привлекательно[10]. Однако в целом проект оказался уязвимым перед лицом критики, развернувшейся в среде российских экспертов и общественности и отчасти «выплеснувшейся» на международный уровень. В последнее время в этом контексте стали озвучиваться аргументы, что решение по переброске вод является попыткой поддержать устаревшую мелиоративную систему центральноазиатского региона, которая уже привела к кризису Арала. Одновременно в гипотетическом плане ставится и другой вопрос: не приобретут ли новые обводненные пространства особую притягательность в глазах стихийных мигрантов и исламских экстремистов. Интерес к перспективам пополнения водного потенциала Центральной Азии из сибирских источников сохраняется в повестке дня[11]. Однако, пока он не пользуется достаточной поддержкой. Другими словами, существенное увеличение водных поступлений в центральноазиатский регион с северного направления остается на неопределенное время гипотетическим.

В настоящее время усилия по спасению Арала сосредоточены, в основном, на уровне мероприятий, проводимых Узбекистаном и Казахстаном. В Узбекистане, например, под эгидой правительства разработан проект, предусматривающий строительство системы дамб, с тем, чтобы сократить поверхность водного зеркала, уменьшив площадь испарения, и, следовательно, потери воды. В Узбекистане предпринимаются также попытки сохранить немногочисленные пресноводные водоемы Приаралья, в которые периодически направляют часть стока Аму-Дарьи. Но пока в своей южной части Аральское море продолжает уменьшаться. Что касается Казахстана, то, благодаря крупному займу Всемирного банка, он также построил разделительную дамбу (Кок Арал), позволившую частично восста-

[9] К наиболее драматическим последствиям высыхания Арала следует отнести такие факты как исчезновение почти всех форм прибрежных флоры и фауны, огромный ущерб здоровью местного населения из-за постоянных пыльных бурь, потерю большинством жителей работы, которая из поколения в поколение была связана с морским промыслом и перевозками.

[10] Ежегодный сток Оби в Северный Ледовитый океан составляет 330 млрд мі. От этого объема предлагается забрать всего 7 %, т.е. около 25 млрд мі. Указывается на возможности увеличения водоснабжения крупных российских городов – Кургана, Оренбурга, Челябинска, Тюмени.

[11] Отражением интереса к планам использования стока сибирских рек на центральноазиатском направлении явились, например обсуждения в рамках конференции «Россия и Центральная Азия: проблема воды и стратегия сотрудничества» (апрель 2003 года, Москва), а также семинара «Региональные водные ресурсы и миростроительство в Центральной Азии» (апрель 2005 года, Алматы).

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

новить объемы воды в северном сегменте Арала. Весной 2007 года Всемирный банк выделил правительству Казахстана целевой кредит на реализацию второй стадии проекта – вернуть границы водного зеркала к г. Аральску[12].

Значительную роль в борьбе с последствиями катастрофического уменьшения Аральского моря играют международные проекты. В нескольких десятках гуманитарных программ на этом направлении активно участвуют ЮНИСЕФ, Красный Крест, Всемирный банк и еще более десятка различных организаций. Однако усилия центральноазиатских государств и представителей международных кругов направлены в первую очередь на поддержку населения прибрежных районов, а не на ликвидацию главных причин экологической катастрофы – сокращения стока рек.

В целом же, ситуация с Аралом является во многом показательной. Она демонстрирует несостоятельность надежд на быстрое решение острых региональных проблем за счет внешних ресурсов и предполагает концентрацию дополнительных усилий на поисках внутренних резервов, в частности на путях модернизации системы орошения сельскохозяйственных угодий, обращения к водосберегающим технологиям, повышения внимания к подземным водным резервуарам[13].

При всей своей драматичности Аральский кризис не исчерпывает всех противоречий в сфере использования водного потенциала Центральной Азии. Нехватка воды для хозяйственных и бытовых нужд становится все более существенной во всех странах региона. За период с 1960 по 2000 годы объемы общего водозабора выросли почти в два раза. Из этого объема речного стока земледелие расходует более 90 %, обеспечивая около 1/3 валового внутреннего продукта всех центральноазиатских стран[14]. Вторым по значению субъектом регионального водопользования является гидроэнергетика. Но ее развитие сдерживается технологическими параметрами сезонного регулирования стока в интересах аграрного сектора[15]. Крупные гидроэнергоузлы Киргизии и Таджикистана, стран, на территории которых формируется основная часть водного потен-

[12] http://www.almaty.kz/page.php?page_id=693#lang=1#news_id=662

[13] Гидрологические исследования в Центральной Азии показали наличие значительных запасов подземных вод в виде потоков грунтовых вод, огромных линз пресных вод и артезианских бассейнов. В некоторых случаях орошение подземными водами оказывается дешевле, чем орошение поверхностными водами, однако чаще освоение ресурсов подземных вод требует существенных капитальных и текущих (энергообеспечение подъема воды на поверхность) затрат / Актуальные вопросы использования водных ресурсов в странах Центральной Азии // http://www.duma.gov.ru/cnature/expert_info/analit_vodresurs.htm

[14] Мироненков А.П., Сарсембеков Т.Т.Дорожная карта создания механизма взаимодействия государств-членов ЕврАзЭС в водно-энергетическом регулировании в Центразии // http://www.analitika.org/article.php?story=20070401014309 97&mode=print

[15] Экономически обоснованный гидроэнергетический потенциал стран Центральной Азии оценивается в 173 млрд кВтч/год, из которых на Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению приходится 84%. Фактический уровень использования гидроэнергетического потенциала невелик и составляет примерно 14–18 %. Для сравнения, в Центральных районах Европейской части России, в Поволжье и на Урале соответствующий уровень освоенности составляет примерно 70% / Актуальные вопросы использования водных ресурсов в странах Центральной Азии // http://www.duma.gov.ru/cnature/expert_info/analit_vodresurs.htm

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

циала региона, работают главным образом в режиме обеспечения систем ирригации соседних государств. Это препятствует использованию запасов воды киргизских и таджикских водохранилищ для производства электроэнергии в зимний период и не только блокирует перспективы ее экспортных поставок, но также создает все большую напряженность в плане удовлетворения внутренних энергетических потребностей обеих стран. В особенно трудном положении уже несколько лет находится население Таджикистана, где в зимний период даже в столице установлено веерное отключение электричества.

В этом контексте беспокоят прогнозы, сделанные с учетом региональных демографических тенденций, согласно которым потребность в воде в ближайшие 10 лет возрастет на 20 %[16]. Другими словами, воды в Центральной Азии будет катастрофически не хватать, и конкуренция потребителей развернется не только на межстрановом, но и внутристрановом уровне.

Еще более тревожными выглядят характеристики водного потенциала Центральной Азии при рассмотрении их через призму человеческого фактора. Если в начале XX века на душу населения в регионе приходилось почти 0,6 га орошаемых земель, то сегодня эта величина в среднем составляет менее чем 0,2 га, а в Узбекистане – менее 0,17 га. Показательно, что в 1960–2000 годах площадь орошаемых земель увеличилась в 1,8 раза, но этого оказалось недостаточно, чтобы снизить перенаселение в сельской местности. В основных аграрных районах Центральной Азии плотность населения составляет до 140–160 человек на квадратный километр, что сравнимо с типичными показателями в больших городах. Наиболее крупные ареалы перенаселенности сложились в Ферганской долине (Наманган, Фергана), вокруг Ташкента и далее, по линии Джизак – Самарканд – Навои – Бухара, с южным ответвлением вокруг Карши[17].

Следует подчеркнуть, что с учетом ирригации сельскохозяйственных угодий во всех государствах Центральной Азии отмечается чрезвычайно высокий уровень расхода воды на душу населения, примерно в десять раз превосходящий показатели в развитых индустриальных странах[18]. В то же время, согласно проводившимся исследованиям, обеспеченность питьевой водой по всей Центральной Азии составляет 62–90 % от бытовых нужд населения в городах и 70–76 % – в селах. Одновременно, в силу роста загрязнения рек и износа очистных сооружений ухудшается качество самой воды. В целом же почти треть жителей региона не имеет доступа к безопасной питьевой воде. Это обстоятельство указывает не только на повышенные эпидемические риски, но и на ограничения в сфере человеческого потенциала центральноазиатских обществ. Не имеющее доступа к безопасной питьевой воде население не может ор-

[16] http://blog.vlasti.net/index.php?Screen=news&id=231320

[17] http://www.iicas.org/articles/book_18_1_00_2.htm

[18] http://arbuz.uz/u_aral_perebr.html

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

ганично участвовать в реализации проектов устойчивого развития ни в национальном, ни в региональном масштабах.

Таким образом, характеристики водного потенциала Центральной Азии не позволяют поддерживать существующую модель использования его ресурсов, а историческое время, за которое необходимо внести самые существенные изменения, составляет не более чем 2–2,5 года. При этом речь идет не о стадии принятия инноваций, а о развертывании их внедрения, поскольку водные ресурсы региона в ближайшем будущем не только не увеличатся, но и относительно сократятся. В силу активного таяния ледников Памира, установившихся малоснежных зим и роста демографической нагрузки на природную среду они теряют качества, необходимые для естественного возобновления.

2. Системный кризис региональных водных ресурсов

В истории Центральной Азии нехватка водных ресурсов постоянно являлась вызовом развития. Особенность современной ситуации заключается в ускоренном истощении всех видов природных источников воды – как наземных, так и подземных. Так, к настоящему времени в хозяйственный оборот включено до 90 % водных ресурсов региона, которые расходуются главным образом в аграрном секторе. При этом потери поливного земледелия составляют от четверти до половины объемов поступающей воды.

В целом Центральная Азия и в особенности Узбекистан, Туркмения и многие районы Казахстана, уже длительное время существуют в условиях водного кризиса, который носит системный характер. Его важнейшими проявлениями стали катастрофическое сокращение поверхности Аральского моря с отдаленными перспективами восстановления водного зеркала; засоление орошаемых площадей до 50 % в Узбекистане и около 37 % – в Туркмении; опустынивание значительной части земель в Казахстане; возрастающая нехватка качественной питьевой воды, доступа к которой лишено от трети до сорока процентов центральноазиатского населения. Потеря водного зеркала Арала как регулятора атмосферных осадков и постоянное уменьшение стоков основных водных артерий – Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи – позволяют лишь в будущем рассчитывать на стабилизацию природной составляющей регионального водопользования. Другими словами, в абсолютных показателях водные ресурсы в Центральной Азии в ближайшие годы будут сокращаться, а сохранение современного уровня годового потребления воды в размере 5–6 тыс. литров на человека превратится в невыполнимую задачу.

Имеющиеся на сегодняшний день расхождения «жестких» и «умеренных» оценок водного кризиса не должны внушать излишний оптимизм как в силу значительных темпов роста населения, прежде всего сельского, так и трудностей внедрения водосберегающих технологий. Только в нынешнем десятилетии площади

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

орошаемого земледелия в регионе увеличились на 7–9 %. Большие объемы регионального водозабора обусловлены также потребностями борьбы с засолением уже освоенных земель в поймах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Характерно, что эффективность водосберегающих мероприятий, проводимых в течение последних пяти–шести лет, достигла по оценкам в среднем 6–7 % от намеченного уровня. В целом, по авторитетным прогнозам, в ближайшие 15–20 лет объем водных потребностей центральноазиатского региона вырастет примерно на 40 %, что намного превосходит все естественные резервы водопользования.

Острота кризиса центральноазиатских водных ресурсов усугубляется разбалансированностью регионального водохозяйственного комплекса[19]. В силу неравномерности распределения формирующих источников 80 % регионального водостока и ряд крупных гидротехнических сооружений сосредоточены на территориях Киргизии и Таджикистана. Каждая из этих «горных» стран использует для собственных нужд менее 10 % от общего количества воды и стремится к существенным материальным компенсациям со стороны «равнинных» потребителей – прежде всего Узбекистана и Казахстана. Нарастающая на этой основе конкуренция гидроэнергетических и аграрных приоритетов трансграничного водопользования тормозит переход к рациональной эксплуатации водных ресурсов. По относящимся к 2005 году международным оценкам, общие потери всех стран региона, связанные с неэффективным управлением водным потенциалом, составляют 1,7 мрд долларов или 3 % ВВП. Этот показатель достаточно тревожен, поскольку отражает не только размер потерь центральноазиатских стран, но и относительную приемлемость уровня экономического ущерба. Тем самым сохраняются предпосылки продолжения стихийного расширения эксплуатации водных ресурсов всеми государствами региона и, следовательно, сокращения сроков полного исчерпания природных источников.

Таким образом, водные ресурсы Центральной Азии формируют комплекс вызовов стратегического и тактического характера, преодоление которых потребует очень больших материальных затрат и принципиального изменения подходов к водопользованию. Пока ситуация продолжает развиваться в режиме «отложенных катастроф», причем возможности торможения кризиса целиком лежат в плоскости управленческих решений.

[19] Кризис водного хозяйства стран Центральной Азии обозначился еще в советский период, но обострился на этапе перехода от единой водохозяйственной системы в регионе к национальным водохозяйственным системам новых независимых государств. Одновременно сократились рычаги влияния на проявления водного кризиса. Накопительные водохранилища для сезонного регулирования стока Сыр-Дарьи и ее притоков, созданные в советское время, не снижают остроты проблемы так же, как и не способны это сделать планы Туркмении по созданию автономных запасов воды Аму-Дарьи. Разделение некогда единой водной системы, а также отсутствие бюджетных средств у водных организаций всех без исключения государств региона привели к предаварийному состоянию большинства входивших в единую систему водных объектов: водохранилищ, каналов, насосных станций. Износ технических средств по наблюдению, контролю и распределению водных ресурсов в межгосударственных и особо крупных водных объектах очень высок // http://www.fundeh.org/doc_files/Kyrgyzstan_2025.pdf

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

3. Масштабность противоречий в сфере водопользования

Взаимодействие в сфере использования водных ресурсов отмечено большим числом взаимных претензий центральноазиатских государств и отсутствием четких правил согласования их хозяйственных политик[20]. Особенно острые противоречия затрагивают распределение воды для экономики «горных» и «равнинных» стран региона, введение платы за поступление трансграничных вод и эксплуатацию гидротехнических сооружений, экологическую проблематику. Самым существенным камнем преткновения при решении водных вопросов выступают межстрановые расчеты по энергетическим поставкам, а также планы строительства новых объектов гидроэнергетики в Таджикистане и Киргизии. Примечательно, что в фокусе конфликтов различного масштаба постоянно находится Узбекистан, который с трудом идет на компромиссы со своими соседями. Но в целом противостояние между ключевыми «поставщиками» воды (Таджикистан и Киргизия) и ее основными «потребителями» (Узбекистан, Казахстан и Туркмения) не привели к формированию устойчивых коалиций по водной проблематике. Однако это не снижает общего конфликтного потенциала межстрановых отношений по вопросам водопользования и еще больше усложняет его конфигурацию. Особенно тревожным признаком стала ориентация экспертных сообществ стран региона на разные правовые модели регулирования водных ресурсов: акцент киргизской и таджикской сторон на положения Дублинской конвенции 1992 года в противовес принятому на региональном уровне «бассейновому» (интегрированному) принципу, приоритет которого особенно жестко отстаивает узбекская сторона[21]. С учетом планов Туркмении по созданию искусственного озера[22] объемом до половины регионального водостока, но без четкого определения источников наполнения, необходимо констатировать, что речь идет уже не о конкретных спорных вопросах водопользования, а о конфликте национальных программ развития всех центральноазиатских государств.

---

[20] Помимо острой конкуренции по поводу потребления трансграничных водных стоков, существующей между Узбекистаном и Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном, значительными разногласиями отмечены также и отношения Казахстана с Киргизией, Узбекистана с Туркменией, периодически расходятся позиции Киргизии и Таджикистана. При этом достижение договоренностей по ряду спорных вопросов, как это имело место между Казахстаном и Киргизией, является скорее исключением, чем правилом во взаимодействии центральноазиатских государств. Характерно, что в спорах постоянно присутствует тема платы за водопользование. Бедные углеводородными ресурсами Таджикистан и Киргизия в ответ на ухудшение условий поставок узбекского газа указывают на готовность резко сократить размеры водостока для нужд земледелия, причем урегулировать очередной виток конфликта удается, как правило, только в самый последний момент.

[21] Интегрированный региональный подход к водным ресурсам впервые был сформулирован главами государств Центральной Азии на конференции в Нукусе (1995 год); в 1998 году странами был подписан многосторонний договор «О сотрудничестве в области охраны окружающей среды и рационального природопользования».

[22] По проекту предполагаемый объем Озера золотого столетия – 132–150 км^3, что настораживает узбекских экспертов, опасающихся односторонних действий Туркмении по отводу стока Аму-Дарьи.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Возможности преодоления противоречий между странами Центральной Азии пока не достаточно благоприятны. Достигнуть сбалансированного соглашения при сохранении существующих объемов потребления водных ресурсов мало реально. В то же время любой проект по изменению природных или хозяйственных факторов потребует не только очень крупных инвестиций, но и, как минимум, трех–пятилетнего срока реализации.

В этой связи речь может идти о частичном снижении конфликтного потенциала регионального водопользования на основе взаиморасчетов в двустороннем формате. Но этот вариант не снимает с повестки дня разновекторность позиций центральноазиатских стран, которая в краткосрочной перспективе будет усиливаться. Фактическое сохранение статус-кво работает преимущественно на интересы Узбекистана и, что особенно важно, на укрепление роли президентской группировки в среде его правящих кругов. В то же время поэтапный путь к более сбалансированному региональному управлению водными ресурсами усиливает внутриполитическое давление на президентские команды Таджикистана и Киргизии.

Замкнутый цикл межгосударственных и внутригосударственных противоречий в сфере водопользования центральноазиатского региона как политический фактор сохранится в среднесрочной перспективе. Самостоятельно выйти за его пределы ни одна из пяти стран, включая Туркмению, подчеркнуто дистанцировавшуюся до недавнего времени от взаимодействия с соседями, в ближайшем будущем не сможет. Но продолжение существующей неопределенности повсеместно подпитывает конкуренцию различных группировок национальных элит. Часть правящих кругов сохраняет иждивенческие настроения по отношении к многосторонним постсоветским институтам и российским ресурсам. В то же время усиливаются настроения в пользу поиска внерегиональной поддержки. Другими словами, противоречия в сфере водопользования все более тесным образом соединяют внутриполитические и внешнеполитические вызовы развития в Центральной Азии.

4. Подводные камни многостороннего партнерства

Опыт многостороннего сотрудничества в вопросах водопользования центральноазиатских стран носит противоречивый характер. С одной стороны, они регулярно подтверждают межгосударственные соглашения, проводят конференции, совещания и саммиты[23].

[23] Главами государств Центральной Азии на международной конференции в Нукусе 20 сентября 1995 года была торжественно провозглашена приверженность идеям равноправия и межгосударственного сотрудничества по водным проблемам. Затем последовало Бишкекское заявление глав государств от 6 мая 1996 года, в котором впервые была признана необходимость «ускорить разработку новой стратегии вододеления и экономических методов управления в сфере использования водных и энергетических ресурсов». В 1998 году был принят договор «О сотрудничестве в области охраны окружающей среды и рационального природопользования», в котором подчеркивалась необходимость создания Водно-энергетического консорциума

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)
SOME RIGHTS RESERVED

Но спектр проблем, которые нуждаются в сбалансированном регулировании, как и список невыполненных решений, до последнего времени остаются без кардинальных изменений[24].

Наметившиеся перспективы расширения профильного сотрудничества центральноазиатских стран по линии ЕврАзЭС сложны в плане практической реализации. Чтобы вписать самостоятельные страновые стратегии водопользования в общерегиональный проект поэтапной минимизации потерь и увеличения выгод, потребуется достаточно длительный подготовительный период. В сокращении такого подготовительного периода, даже с учетом международной финансовой поддержки, заинтересованы не все участники.

Существенные ограничения на согласование многосторонней стратегии управления водными ресурсами накладывают внутриполитические проблемы стран региона. В каждой из них сложились группы интересов, делающих ставку на получение чисто корпоративных преимуществ, как в нынешних условиях, так и в процессе интеграционных изменений. Это обстоятельство, наряду с недостаточной подготовленностью профильных учреждений, сохранится на протяжении длительного времени. Несмотря на жесткость административной вертикали, многосторонние компромиссные договоренности в формате президентских команд будут вызывать недовольство со стороны «среднего звена» правящих кругов, обострять клановую конкуренцию в высших эшелонах власти. Соблюдение квот, расценок и сезонных схем регионального водопользования оказывается, таким образом, в зависимости не только от технических противоречий перехода к рыночным расчетам за воду и топливо, но и от баланса внутриполитических сил в каждой из центральноазиатских стран, прежде всего в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. В особенно сложном положении может оказаться узбекское руководство. В этой связи бедственное положение в сфере водообеспечения Ферганской долины, Ошской области Киргизии, Приаралья, как и ряда других точек региона «работает» не только как стимул расширения взаимодействия центральноазиатских стран, но и как рычаг его искусственного торможения.

К трудностям многостороннего регулирования центральноазиатского водопользования следует отнести и различия в представлениях внешнеполитических партнеров стран Центральной Азии о направлениях инвестиционной поддержки. С подходами ЕврАзЭС и ШОС в наибольшей степени контрастирует активность США по

в Центральной Азии. Вместе с тем создание Водно-энергетического консорциума стран Центральной Азии до сих пор тормозится. Споры о «долях» в консорциуме, нежелание идти на компромисс, кризис доверия и региональное политическое соперничество мешают реализовать этот проект. В сентябре 2006 г. в Астане состоялся неформальный саммит лидеров центральноазиатских государств, где также рассматривались региональные проблемы водопользования. Однако принципиально новых решений пока не найдено.

[24] Среди причин неудач эксперты называют рекомендательный характер принимаемых документов, разобщенность действий на региональном и национальном уровнях между структурами водного хозяйства и энергетики, противоречия интересов государств, контролирующих истоки водных ресурсов и потребляющих их, отсутствие работоспособных межгосударственных органов с широкими полномочиями и многие другие.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

линии плана *Большой Центральной Азии* (БЦА). Не вполне согласуется с ними часть проектов, финансируемых *Азиатским банком развития* (АБР). Неоднозначна с точки зрения конечных результатов и предлагаемая Всемирным банком концепция *Водно-энергетического консорциума* (ВЭК) стран Центральной Азии. Что касается ЕС, то предварительным условием инвестиций выдвигается достижение согласованности действий в водохозяйственных вопросах между государствами региона. Разнообразие вариантов внерегиональной поддержки создает двойственную ситуацию. Крупные инвестиционные проекты в тактическом плане снижают вероятность резкой эскалации напряженности, но одновременно они не учитывают потребности выстраивания «горизонтальных» торгово-экономических связей между соседними странами, дифференцируют национальные стратегические интересы.

Таким образом, практика многостороннего управления водными ресурсами Центральной Азии обладает ограниченными возможностями влияния на перспективную политику регионального водопользования. Представляется, что пока конструктивная роль многосторонних структур заключается в совершенствовании мониторинга водохозяйственной деятельности центральноазиатских стран и расширении прозрачности ее основных направлений.

5. Сотрудничество по водной проблематике как элемент интеграционных процессов

Критические оценки состояния «водного вопроса» в центральноазиатском регионе и картина противоречий в сфере водопользования отнюдь не означают, что это направление многостороннего взаимодействия пробуксовывает. К настоящему времени созданы и накопили практический опыт межгосударственные институты регионального сотрудничества, наиболее представительными из которых являются *Международный фонд спасения Арала* (МФСА) и *Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия* (МКВК). Тенденции позитивных изменений наиболее очевидны при рассмотрении водной проблематики в контексте эволюции интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Характерной особенностью их современного этапа является стремление не только к постановке новых задач, но и опора на доказавшие свою эффективность многосторонние структуры, возникшие сразу после распада СССР. Выполняя разнообразные технические функции в радикально изменившихся условиях, они спасли от коллапса системы жизнеобеспечения бывшего единого хозяйственного комплекса и в течение пятнадцати лет, несмотря на все материальные и организационные трудности, поддерживали их работу. Кроме того, благодаря их повседневной деятельности, различные эксперты и специалисты, в том числе представители международных организаций, программ и иностранных корпораций, регулярно получали информационную поддержку, расширявшую возможности планирования профильного развития.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Одним из ярких примеров повседневной работы на сложном, не только в техническом, но и в политическом плане направлении, является деятельность Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК)[25], которая осуществляет организационные мероприятия по сотрудничеству в области управления и использования трансграничных водных ресурсов Центральной Азии[26]. Благодаря ее деятельности, в течение всего постсоветского периода, несмотря на постоянное чередование периодов маловодья и паводков, отрыв от ранее существовавших материальной и правовой баз, удалось избежать значительных конфликтных ситуаций в водообеспечении стран Центральной Азии, сохранить, а на отдельных территориях заново создать основу гарантированного водопользования. В рамках МКВК водные ведомства пяти центральноазиатских государств совместно занимаются планированием и оперативным управлением деятельности водохозяйственных служб бассейнов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Результативность их усилий является доказательством того, что совместные водные ресурсы предоставляют возможности для сотрудничества между государствами и преодоления препятствий[27].

На современном этапе особое внимание со стороны МКВК уделяется вопросам внедрения интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР)[28]. В центре рассмотрения находятся задачи развития бассейновых советов Республики Казахстан, где в рамках программы ООН «Национальный план по ИУВР и водосбережения для Казахстана» был проведен Первый съезд бассейновых советов страны. Что касается Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, то развитие ИУВР в этих странах уже идет в основном по линии небольших пилотных проектов, осуществляемых МКВК совместно с зарубежными партнерами и при их финансовой поддержке[29]. Ряд

[25] Образование МКВК бассейна Аральского моря 18 февраля 1992 года и ее утверждение главами государств в Соглашении от 26 апреля 1993 года стало проявлением понимания руководством стран Центрально-Азиатского региона роли совместного управления использованием и охраной водных ресурсов в развитии каждого государства и всего региона в целом, заботы об устойчивом обеспечении населения водой и поддержания на должном уровне природных условий окружающей среды.

[26] В структуру Организации МКВК входят Бассейновая водохозяйственная организация (БВО) реки Аму-Дарья», БВО реки Сыр-Дарья, Научно-исследовательский центр МКВК.

[27] http://www.icwc-aral.uz/15years/greetings_ru.htm

[28] Под интегрированным управлением водными ресурсами в международном лексиконе подразумевается система мер, направленных на удовлетворение потребностей в воде в различных отраслях человеческой деятельности

[29] Финансовую поддержку, в частности, оказывает Швейцарское управление по развитию и сотрудничеству. Внедрение в центральноазиатском регионе ИУВР, развитие тренинговой деятельности, организация водосбережения, уточнение прогнозов и улучшение учета стока осуществляются при разнообразной поддержки международных организаций, в частности Всемирного банка, ЕС, Канадского агентства международного развития (CIDA), Швейцарского агентства международного развития и кооперации (SDC), Департамента международного развития Великобритании (DFID), Агентства США по международному развитию (USAID) и других. В то же время, по мнению зарубежных партнеров, высокий профессионализм и знания местных специалистов, равно как и их понимание современных подходов в управлении водными ресурсами, позволяет увеличить международное доверие к местным национальным и региональным организациям в части выполнения проектов собственными силами без преобладающего участия дорогостоящих зарубежных консультантов и участников, что резко повысит эффективность использования ограниченных средств донорской помощи // http://www.cawater-info.net/ucc-water/about.htm

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

практических шагов по внедрению ИУВР на национальном уровне предпринято в Туркмении.

К другим важным моментам современной деятельности МКВК следует отнести усилия по укреплению доверия и созданию платформы сотрудничества между водохозяйственными организациями и широким кругом субъектов, связанных с использованием водных ресурсов. Развивается информационная система на региональном бассейновом и национальных уровнях, продолжается совершенствование юридического аппарата по обеспечению водохозяйственного сотрудничества и деятельности рабочих групп МКВК по оптимизации правил регулирования и работы ресурсов как бассейна реки Сыр-Дарьи, так и бассейна реки Аму-Дарьи[30]. Показательно, что все эти направления осуществляются не только в формате кабинетных разработок, но и широкого обсуждения в ходе научных конференций, регулярных публикаций. Они становятся основой для координации действий между МКВК и донорскими организациями[31].

Деятельность МКВК[32] в целом пользуется поддержкой правительств центральноазиатских стран. Однако в последнее время Комиссии неоднократно рекомедовалось усилить ее исполнительные органы, уделить особое внимание восстановлению экологического благополучия в дельтах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, создать прочной правовую базу многостороннего сотрудничества в виде новых соглашений. Хотя смысл рекомендации зачастую понимается центральноазиатскими государствами по-своему, необходимо подчеркнуть, что расширение повседневного взаимодействия в рамках МКВК складывается как реальная интеграционная тенденция на уровне базовых хозяйственных структур всех региональных участников[33].

Рациональное освоение водного потенциала бассейнов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи остается в числе наиболее сложных центральноазиатских проблем. Вместе с тем, поэтапное выстраивание схемы водопользования как составной части интеграционного взаимодействия участников ЕврАзЭС[34], осуществляемого с 2003 года, позволяет смягчать расхождение позиций по конкретным вопросам и посте-

---

[30] Данное направление работы осуществляется в рамках проекта технического содействия Азиатскому банку развития.

[31] Темы, рассматриваемые в научном плане под эгидой МКВК, носят широкий прикладной характер. См.: http://www.icwc-aral.uz/meetings_ru.htm

[32] К настоящему времени состоялось 47 заседаний МКВК, последнее состоялось в Астане. 48-е заседание намечено на весну 2008 года. Подробнее о деятельности МКВК см.: http://sic.icwc-aral.uz/

[33] В сотрудничестве по линии МКВК – пока осторожно – начинает принимать участие и Туркмения. В стране создана инициативная группа из числа специалистов, представляющих водное хозяйство, охрану окружающей среды и общественные организации. Проведены семинары с участием представителей основных водопотребляющих отраслей, экологических организаций, органов водного хозяйства, где обсуждались вопросы развития водного хозяйства в целях выполнения Национальной программы экономического, политического и культурного развития Туркмении на период до 2020 года // http://www.turkmenistan.ru/index.php?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=9562&type=event

[34] В политическом плане деятельность органов ЕврАзЭС в водно-энергетическом секторе регулируется решениями Межгосударственного совета ЕврАзЭС и Интеграционного комитета ЕврАзЭС, которыми поставлены задачи по определению механизмов взаимодействия государств Сообщества в сфере гидроэнергетики центральноазиатского региона.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

пенно расширять сферу общих интересов. Последовательное соотнесение водной проблематики с функционированием и развитием энергетики, вопросами энергетической безопасности, транспортной инфраструктуры, инвестиций и другими моментами, которыми отмечена многолетняя работа ведомственных и экспертных кругов стран-участниц ЕврАзЭС, международных консультантов, представителей зарубежных доноров и т.д., обеспечило к настоящему времени техническое обоснование большой инновационной программы водно-энергетического баланса Центральной Азии, в которую включены разделы природоохранных мероприятий, действия по спасению Арала, социальные блоки[35]. Тем не менее, считать, что уже в нынешнем виде эта программа способна вывести водопользование региона на новый качественный уровень было бы преждевременно.

На масштабы противоречий, возникающих даже при выполнении уже согласованных решений, указывает бедственное состояние регионального водного хозяйства. После 1991 года все центральноазиатские государства постоянно сталкивались с такими проблемами, как слабое финансирование водохозяйственных отраслей, ухудшение технического состояния водохозяйственных объектов, уменьшение притока молодых специалистов в водохозяйственные отрасли, отсутствие мероприятий по снижению водопотребления и повышения продуктивности использования воды в орошаемом земледелии. К числу кризисных проявлений постсоветского периода следует также отнести сокращение наблюдательной гидрометеорологической сети, ухудшение ее технического оснащения, недостаточное кадровое обеспечение, сокращение площадей лесов, уменьшение научных исследований в отраслях, смежных водопользованию, и многое другое[36].

В связи с реально обозначившимися в начале нынешнего десятилетия рисками водопользования в Центральной Азии «водному вопросу» как важному элементу интеграционных процессов было уделено особое внимание на четвертом заседании Совета по энергетической политике (СЭП) при Интеграционном комитете ЕврАзЭС, проходившем в 2003 году в Душанбе. Представители энергетических ведомств стран-участниц включили рассмотрение водной проблематики в контекст подготовки совместного топливно-энергетического баланса и планов совместного строительства объектов энергетики. Речь шла также о том, что появление России в качестве серьезного импортера электроэнергии из Центральной Азии позволяет подойти к решению проблемы рационального использования региональных водно-энергетических ресурсов в масштабе ЕврАзЭС[37]. СЭП предложил странам-участницам проработать вопрос о создании межгосударственного консорциума, наделенного полномочиями водно-энергетического диспетчера в Центральной

[35] http://old.arba.ru/ru_press/8/articles/200440-1.html

[36] Формулировки близки к оригиналу документа с целью демонстрации сложности технических вопросов обеспечения водопользования, которыми должны владеть профессиональные круги и профильные аналитики. См.: http: // www.icwc-aral.uz //syears/publgwp.ru/htm

[37] http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=36264

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Азии[38]. На заседании был также принят Протокол по совместному строительству Сангтудинской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Киргизии. Одним из содержательных аспектов рассматривавшегося вопроса явилось решение о принципах привлечения инвестиций при строительстве энергообъектов[39]. Примечательно, что ранее, в феврале 2004 года, Министерство природных ресурсов РФ и Правительство Москвы создали совместную рабочую группу по разработке «Концепции оптимального использования водных ресурсов применительно к странам Шанхайской организации сотрудничества в современных политико-экономических условиях». Создание данной комиссии отразило стремление к обеспечению устойчивого водопользования в дружественных России странах Центральной Азии. При этом отмечалось, что Россия заинтересована в решении проблем водоснабжения юга Омской области и г. Омска, судоходства по р. Иртыш, связанных с регулированием режимов использования водных ресурсов Бухтарминского и Верхне-Иртышского водохранилищ Республики Казахстан, а также проблемой организации пропуска паводковых вод через водохранилища на р. Ишим на территории Казахстана. Учитывая данные обстоятельства, Государственная водная служба России поддержала предложение о создании в рамках ЕвраАзЭС органа водно-энергетического регулирования (Диспетчерской компании ЕврАзЭС) с обязательной функцией регулирования режимов использования водных ресурсов трансграничных водных объектов[40].

За время, прошедшее после Душанбинского заседания СЭП, водная проблематика неоднократно рассматривалась руководящими органами ЕврАзЭС. Так, в 2005 году на Московском саммите главы государств-участников ЕврАзЭС подписали ряд документов о сотрудничестве в водной сфере, в частности по принципам взаимодействия и освоения водно-энергетических ресурсов бассейнов рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. В августе 2006 года на Саммите ЕврАзЭС в Сочи было принято решение о разработке Концепции эффективного использования водно-энергетических ресурсов центральноазиатского региона и созданию профильной Группы высокого уровня для руководства процессом подготовки нового документа[41]. В практическом плане разработка Концепции рассматривалась как основа Соглашения о сотрудничестве государств в водно-энергетической сфере на основе регулируемых стоков Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, а также определения статуса управляющих и исполнительных органов, необходимых для

[38] Учитывая высокую потребность в инвестициях, главы государств-членов Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС) обратились в 2003 году к Всемирному банку с предложением разработать взаимоприемлемую модель сотрудничества, а в октябре 2004 года одобрили выработанную с его участием концепцию создания водно-энергетического консорциума.

[39] http://www.tks.ru/news/nearby/2005/06/17/0001

[40] www.mnr.gov.ru/old_site/part/?act=print&id=530&pid=122

[41] По мнению экспертов, привлекательность регионального сотрудничества в сфере гидроэнергетики существенно возросла после принятия в октябре 2006 года решений об интеграции ОЦАС в ЕврАзЭС, вступления Узбекистана в Сообщество, создания Евразийского банка развития, учрежденного Россией и Казахстаном // www.mnr.gov.ru/old_site/part/?act=print&id=530&pid=122

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

реализации целей Концепции. Кроме того, ее содержание предусматривает, что сотрудничество в водной сфере развивается как на межгосударственной основе, так и в рамках деятельности международного фонда спасения Арала, сотрудничества с ПРООН, Всемирным банком, другими организациями и потенциальными донорами. Приоритетом в данном вопросе является выработка общей региональной политики справедливого и рационального освоения и использования водно-энергетических ресурсов, учитывающей нормы международного права. Материалы по подготовке Концепции были проанализированы в 2007 году на Душанбинском саммите ЕврАзЭС[42].

В дальнейших планах интеграционного взаимодействия стран-участниц ЕврАзЭС «водный вопрос» сохраняет свою высокую значимость. Так, в список межгосударственных целевых программ, разработка которых запланирована на 2008 год, наряду с программами по формированию единого транспортного пространства, мирному использованию атомной энергии, развитию приоритетных направлений науки и технологий, включена программа по созданию общего энергетического рынка и эффективному использованию водно-энергетических ресурсов Центрально-Азиатского региона. Финансовую поддержку этим программам будет оказывать Евразийский банк развития, учрежденный Россией и Казахстаном.

Сотрудничество по водной проблематике, проводимое с 2003 года как элемент интеграционных процессов в Центральной Азии, отмечено не только разработкой обоснований крупных проектов, но и весомыми материальными результатами. В Таджикистане идет строительство Сангтудинской ГЭС–1, в стадии переговоров, хотя и не во всем успешных, находится строительство Рогунской ГЭС. Сейчас Киргизия, Казахстан и России планируют создать совместное предприятие для строительства на юге Киргизии каскада Камбаратинских гидроэлектростанций. Предполагается, что доля участия сторон составит, соответственно, 34, 33 и 33 %[43].

К сожалению, позитивные тенденции, связанные с разрешением «водного вопроса» в Центральной Азии, значительно меньше акцентируемого в СМИ, чем вызовы и риски на этом пути. К вызовам и рискам авторы некоторых публикаций относят, например, диверсификацию площадок по регулированию взаимодействия в водно-энергетической сфере, которая де-факто намечается по мере расширения круга международных партнеров. Определенное беспокойство иногда высказывается и относительно перспектив укрепления региональных позиций Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС)[44], ее планов по выделению в период 2006–2009

[42] http://www.press-uz.info/ru/content.scm?topicId=2803&contentId=121271. Обращает на себя внимание, что для участия в работе над Концепцией использования водно-энергетических ресурсов приглашены и туркменские эксперты // http://www.ia-centr.ru/public_details.php?id=684

[43] Экономическое обозрение ЕврАзЭС+. – 2007. – № 1 (9). – 1 кв. – С. 4.

[44] Программа ЦАРЭС инициирована Азиатским банком развития в 1997 году для реализации в Центральной Азии проектов в области энергетики, транспорта и торговли. В ЦАРЭС участвуют Азербайджан, Афганистан, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Монголия и международные доноры – АБР, ЕБРР, МВФ, Исламский банк развития,

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)
SOME RIGHTS RESERVED

годов 2,3 млрд долларов на различные водные проекты. Необходимо также отметить, что некоторые специалисты с настороженностью относятся к стремлению США включиться в рамках продвигаемого ими плана БЦА в процессы энергетического регулирования в регионе, что подразумевает и влияние на водопользование[45].

Хотя мнения членов экспертного сообщества не следует недооценивать, представляется, что в данном случае опасения относительно конкуренции проектов по линии ЕврАзЭС и других форм регионального сотрудничества в сфере гидроэнергетики с участием иных игроков несколько преувеличены. Неоспоримым преимуществом ЕврАзЭС является возможность решать проблемы центральноазиатского водопользования в сочетании с самыми разнообразными вопросами модернизации хозяйственных систем стран-участниц и комплексным развитием межгосударственных отношений. Как свидетельствует опыт последних пятнадцати лет, сближение позиций стран Центральной Азии по использованию водных ресурсов не может рассматриваться обособленно от разработки эффективных моделей экономического строительства каждой из них. Поэтому сегодня речь фактически идет о включении национальных водных стратегий в общий проект устойчивого развития региона, привлекательный для всех заинтересованных сторон. В этих условиях становятся очевидными не только моменты различий тех или иных сценариев изменения водопользования, но и потенциал их взаимной дополняемости. Интеграционное взаимодействие по водной проблематике в Центральной Азии является процессом, расширяющим возможности международного сотрудничества по всем направлениям.

Выводы и предложения

Системный кризис водных ресурсов, конфликтные сюжеты водопользования и достигнутый уровень многостороннего регулирования водохозяйственного комплекса Центральной Азии определяют множественность задач отечественной внешнеполитической практики. С одной стороны, России целесообразно дистанцироваться от функций арбитра региональных противоречий, способствовать привлечению внешних инвестиций, избегать заведомо затратных форм сотрудничества. Но с другой – необходимо учитывать и риски стихийной фрагментации национальных интересов региональных участников, процессов длительного согласования решений по вопросам водопользования.

Для сбалансированного сочетания инициативных и реактивных шагов в рамках профильного межгосударственного взаимодействия было бы желательно:

ПРООН и Всемирный банк. Одним из главных приоритетов ЦАРЭС является поддержка эффективного и рационального использования энергетических и водных ресурсов в Центральной Азии. Кроме того, Всемирный банк и инвесторы из ЕС, США и Японии готовы принять участие в создании ВЭК стран Центральной Азии.

[45] http: // www.vneshmarket.ru/NewsAM/NewsAMList_CPage_511.html · 11.09.2007

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

1. Обратить особое внимание на предпосылки ухудшения социальной обстановки в различных точках региона, обусловленных кризисом водоснабжения, что предполагает настоятельную необходимость ускорения выработки соглашений компромиссного характера.

2. Исключительно осторожно подходить к обсуждению любых вариантов экстенсивного расширения водного потенциала Центральной Азии, предложений по реализации масштабных проектов обводнения за счет российских ресурсов.

3. Учитывать ограниченные возможности крупных отечественных компаний по обеспечению долгосрочных российских интересов. Различия рыночных и политических критериев эффективности на этом направлении предполагают необходимость постоянного уточнения подходов к участию российского бизнеса как в гипотетических, так и в реализуемых проектах.

4. Диверсифицировать тактические шаги по расширению взаимодействия с центральноазиатскими странами в сфере водопользования. Перспективы создания ВЭК отчасти смягчают конкуренцию «поставщиков» и «потребителей» воды по актуальным вопросам, но существенно усиливают разногласия при выработке долговременных правил поведения.

5. Избегать недооценки неформальных моментов, определяющих позиции центральноазиатских государств по «водному вопросу», условий конкуренции интересов различных группировок в среде правящих кругов.

6. Содействовать расширению профессиональных контактов гидроэнергетиков, представляющих страны постсоветского пространства, поддерживать участие в них российских специалистов-эксплуатационников.

7. Стремиться к дальнейшему повышению роли экологической экспертизы при осуществлении многосторонних проектов управления водными ресурсами и развития водохозяйственного комплекса центральноазиатского региона.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Научно-координационный совет по международным исследованиям (НКСМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2004 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов НКСМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

НКСМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) – *Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений* (1976–1990 гг.) и *Центра международных исследований* (1990–2004 гг.).

В настоящее время в состав НКСМИ входит десять научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр евро-атлантической безопасности,
- Центр Кавказских исследований,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр исследований проблем войны и мира,
- Центр североевропейских и балтийских исследований.

Председатель НКСМИ – А.Ю.Мельвиль, проректор по научной работе МГИМО (У), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Директор НКСМИ – А.А.Орлов, профессор кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Сайт НКСМИ в интернете: www.mgimo.ru/ktsmi

«Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России» издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 500 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав НКСМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Сайт «Аналитических записок» в интернете: www.mgimo.ru/az

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Боришполец Ксения Петровна – к.п.н., профессор Кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России, Директор Центра постсоветских исследований НКСМИ МГИМО (У).

Закончила МГИМО МИД СССР. Владеет несколькими иностранными языками. С 1999 г. – доцент, с 2005 г. – профессор Кафедры мировых политических процессов МГИМО (У). Является автором и участником ряда прикладных проектов в области исследования международных отношений и политической стабильности стран с переходной экономикой. Читает учебные курсы по основам политологии, методам политических исследований, информационно-аналитическим технологиям в прогнозно-аналитической деятельности, а также курс «национализм в мировой политике». Регулярно участвует в научных конференциях в России и за рубежом. Область специальных научных интересов – анализ этнополитических ситуаций и процессов в современном мире.

Бабаджанов Алишер Якубович – младший научный сотрудник Центра постсоветских исследований НКСМИ МГИМО (У) МИД России, аспирант кафедры Международных отношений и внешней политики России МГИМО (У).

Родился в г. Душанбе. Учился в колледже Coldardale (Великобритания). Владеет английским и французским языками. В 2005 г. закончил с отличием факультет Международных отношений МГИМО (У) МИД России. Область специальных интересов – перспективы безопасности и развития постсоветских государств.

Центр постсоветских исследований (ЦПИ) создан решением Ректората в январе 2001 г. по инициативе кафедры Международных отношений и внешней политики России. С мая 2004 г. входит в состав Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России.

Основные научные направления работы Центра:

– постсоветские государства в международных отношениях;

– институциональные механизмы и международно-правовая основа взаимодействия на постсоветском пространстве.

– политика России в отношении государств бывшего СССР;

– военно-политический аспект международных отношений на постсоветском пространстве, сотрудничество в сфере безопасности;

– проблема конфликтности постсоветского пространства;

– экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве;

– международно-политические процессы в Центральной Азии;

– политико-экономические проблемы Каспийского региона;

– проблемы и перспективы Союзного государства России и Белоруссии;

– международно-политические процессы в странах Балтии;

– внерегиональные силы на постсоветском пространстве;

– тенденции этно-конфессионального развития и русскоязычная диаспора в странах бывшего СССР;

– проблемы культурно-информационного пространства в СНГ.

Директор Центра – К.П. Боришполец.